

В. Уйманов

Палач или жертва?

Годы идут, но интерес к таким людям, как Овчинников, бывший начальник Томского горотдела НКВД, "местный Берия", не утрачивается. Его судьба любопытна не только исследователям, но и многим томичам, чьи родные и близкие попали в жернова репрессий, в частности при участии И.В. Овчинникова. Кто же он, Иван Овчинников?

Родился Овчинников 30 октября 1898 года в дер. Леонтьево Варнавинского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. В 1917 году был призван в царскую армию, но до места дислокации части не доехал - началась Февральская революция. Вернулся домой, а в ноябре 1918 года был вновь мобилизован в армию, уже Красную.

В декабре 1923 года по путевке Нижегородского губкома партии был командирован в Сибирь, где распоряжением Сиббюро ЦК ВКП(б) его направили в Алтайский губотдел полномочного представительства ОГПУ. Там началась его чекистская деятельность, приведшая, в конечном итоге, к суду за злоупотребление служебным положением и антисоветскую агитацию и последовавшему за этим расстрелу.

Объективности ради, последующую часть рассказа об Овчинникове построим на документах и его "исповеди", находясь под арестом, он написал в следственную часть УНКВД по Новосибирской области пространное письмо со своими выводами о происшедшем в его жизни и жизни страны (при дальнейшем цитировании стилистика писем сохранена).

Овчинников был арестован 4 июня 1939 года на основании постановления следователя НКВД Бендерского по обвинению в совершении преступления по ст.58-1а УК РСФСР. Забегая вперед, отметим, что обвинительные материалы в деле со. статьей 58-1а не стыковались никоим образом.

В его служебной характеристике отмечено, что "в личном быту скромн, отношения с окружающими нормальные, сумел обеспечить сигнализаторскую работу, которая имела свое значение в выполнении плана Прокопьевскими рудниками". Постановлением пленума Прокопьевского горсовета от 7 ноября 1936 года Овчинников занесен в Книгу почётных граждан города. Были поощрения и по службе. Вот так.

Но положительная характеристика и награды не могли защитить капитана Овчинникова. Состоявшийся в январе 1938 года Пленум ЦК ВКП(б) осудил перегибы и ошибки в репрессивной политике. Сталин, как и всегда, обвинил кадры в глупости и головотяпстве. Что позволяло подкрепить иллюзию о его непричастности к происходящему и создавало образ борца с перегибами, борца за справедливость. А виновники - это замаскированные враги народа, вредители-двурушники, которые были организаторами репрессий и которые

постарались перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах. Враг был найден, в частности в органах НКВД, где был вскрыт "контрреволюционный заговор", заговор", направленный на подрыв мощи Советского государства. Было установлено, что сотрудники НКВД под руководством Ежова допускали извращения в оперативно-следственной работе, проводили незаконные аресты, применяли незаконные методы следствия. В системе НКВД, как в центральном аппарате, так и на периферии, были проведены аресты, и большая группа сотрудников была осуждена к различным срокам лишения свободы, а отдельные приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Одним из таких "заговорщиков" стал и Овчинников.

Среди перечисленных фактов его обвинения стала деятельность Овчинникова на посту начальника Томского горотдела НКВД. В приговоре военного трибунала войск НКВД отмечалось, что, "будучи начальником Томского горотдела НКВД в период 1937-38 гг., Овчинников грубо нарушал революционную законность, допускал незаконные массовые аресты ни в чем не повинных граждан, предъявляя им обвинения в тягчайших государственных преступлениях. Он давал следственному аппарату установку добиваться самопризнания вины, разрешил применение несвойственных методов ведения следствия и лично брал вымышленные показания от ряда арестованных".

"Я прошу учесть, что массовая операция началась в Томске после приезда Миронова из Москвы, - пишет Овчинников, - после проведения им оперсовещания, на котором он зачитал постановление ЦК и сказал "лимиты", что на этом совещании присутствовал Эйхе, который в то время был для нас маленьким божком; Эйхе возглавлял тройку; что по линии союзной прокуратуры за подписью Вышинского были аналогичные директивы; что упрощенный метод следствия не только был указан Мироновым, но и указан в директивах союзной прокуратуры; что о лимитах знала прокуратура". На упоминаемом оперативном совещании, состоявшемся 25 июля 1937 года, начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю Миронов давал инструкции, не сказать о которых нельзя:

"...До тех пор, пока мы с вами не провели всю операцию, эта операция является государственной тайной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда я буду вас знакомить с планом по краю в целом, то всякие цифры, о которых вы услышите, по мере возможности, должны в вашей голове умереть, а кому удастся, он должен эти цифры из головы выкинуть, кому же это не удастся, он должен совершить над собой насилие и все-таки их из головы выкинуть потому, что малейшее разглашение общей цифры - и виновные в этом пойдут под военный трибунал. Поскольку цифры достаточно любопытны по краю, я считаю необходимым познакомить вас с ними, с тем, чтобы вы могли сориентироваться с масштабом операции.

...Дела будут оформляться упрощенным процессом.

Лимит для первой операции - 11000 человек, т.е. вы должны посадить 28 июля 11000 человек. Ну посадите 12000, можно 13000 и даже 15000, я даже вас не оговариваю этим количеством. Можно даже посадить по первой категории 20000 человек...

Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут проводиться приговоры в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, где приведен приговор в исполнение, потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговоры в исполнение, ничего не должен знать абсолютно, потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений..."

"Будучи в Москве, - продолжает Овчинников, - я имел возможность убедиться, что эта операция в гораздо худших условиях проведена была везде по всему Союзу, причем с применением таких методов в следствии, которые мне и не снились во сне. Тогда была другая обстановка, созданная УНКВД, в которой я лично иначе действовать не мог. Скажу больше: у меня с приходом Голубчика в Томск была мысль уйти от операции - сделать самострел, ранить себя, как бы нечаянно, и лечь в больницу, но я эту мысль гнал из головы, ибо считал это дезертирством с поля боя с контрреволюцией..."

Я не имел привычки волынить в работе, я всегда отдавал всего себя делу, и тут мне казалось, что мои мысли о самоустранении от операции будут прямым двурушничеством".

Операция в Томске началась с двух разработок - "Аристократы" и "Сапожники". Проведены они были после партсобрания, на котором Миронов "обозвал сотрудников горотдела оппортунистами" и потребовал разворота арестов. А затем маховик аскрутился, ведь обосновать репрессии, по крайней мере для себя, проблем не составило. "Томск - это особенный город в СССР. Томск - это ворота в Нарым, через которые проходила вся ссылка в Нарым и ее обратное движение. Томск - это город административной и политической ссылки эсеров, меньшевиков, троцкистов; перебежчиков, начиная с первых лет Советской власти и до 1937 года включительно. Здесь были в ссылке два члена ЦК эсеров, другие крупные эсеры и меньшевики: здесь жили несколько сот человек, в порядке очистки ДВК (Дальневосточного края -В.У.); здесь сохранилась от Колчака масса бывших белых офицеров, здесь сохранилась вся организация черносотенцев, громившая в 1905 году рабочую демонстрацию, руководимую С.М.Кировым; здесь сохранилась вся старая буржуазия во главе с двумя миллионерами; здесь осела масса бежавших из Нарыма и из деревень от раскулачивания кулаков; сюда, как: в режимный город, стекалась самая разнообразная контрреволюция, включая таких, как князя Голицыны, Ширинский-Шихматов, Урусов и др.; здесь сосредоточились ма«рсы исключенных из

ВКП(б). Здесь сидела целая колония дашнаков с чл. ЦК во главе, груз, меки (грузинские меньшевики - В.У.) и т.д. Здесь функционировали все и всяческие религиозные и сектантские объединения; здесь в прошлом был в ссылке Радек. Здесь были сильнейшие в Сибири троцкистские организации в вузах, и недаром Томск считался родиной сибирского троцкизма; здесь жила масса польских, эстонских, латвийских перебежчиков. Здесь в великом множестве жили нац. элементы - поляки еще со времени царской ссылки и др. Здесь, словом, был, жил и действовал такой огромный конгломерат контрреволюции, что прямо меня брал некоторый ужас. Ведь известно, что ни одно предприятие не выполняло план, колхозы были вдребезги разложены, даже в таких местах, как дом-музей Кирова, сидел и управлял бывший бандит, офицер-семеновец, отбывший наказание в лагерях. В 1937 г. были открытые контрреволюционные выступления вплоть до выпусков контрреволюционных листовок. Вот что такое город Томск.

Я тогда самым искренним образом упрекал себя в оперативной и политической отсталости, и мои сомнения в правильности такой операции улетучивались из головы, как дым".

Одним из обвинений Овчинникову было "избиение партийно-советских кадров" в Томске, конкретно - арест 56 руководящих работников. Справедливости ради должен отметить: судя по материалам уголовного дела, инициатива Овчинникова тут абсолютно не видна. Поступающие из УНКВД директивы об арестах были конкретны и четки. Невыполнение их было практически невозможно. (Уже после отъезда Овчинникова из Томска, в мае 1938 г., арест всех 36 признавался правильным всеми проверяющими.) Обстановку того времени ярко характеризует примере секретарем Томского горкома комсомола Р. Спрингисом, который был арестован по требованию передовой статьи газеты "Советская Сибирь".

"Спрингис - секретарь Томского ГК ВЛКСМ, член ГК ВКП(б), он возглавляет организацию ВЛКСМ в 7000 человек, и вдруг в передовой газете "Сов. Сибирь" я читаю, что он - враг народа, террорист и т.д. А Спрингис в это время работает. В какое, подумайте только, положение был поставлен я и ГО НКВД. Краевая газета утверждает, что Спрингис - враг народа, а он работает и возглавляет 7000 комсомольцев, и в ГО НКВД никаких на него материалов. Из УНКВД угрозы: "у вас плохо с борьбой по правым". Были Овчинникову предъявлены и другие обвинения.

"Я считаю, что методы следствия в Томске были более гуманными, чем в УНКВД, чем в Москве, чем в других городах. Да, стойки к очень ограниченному кругу лиц применяли, но ведь это детский лепет по спя в ному кругу лиц применяли, но ведь это детский лепет по сравнению с теми тяжелыми физическими избиениями, которые были в Москве и даже в УНКВД. Как можно обвинять меня в этом, если даже в 39 г. в Москве я был свидетелем очень тяжелых физических воздействий на арестованных? Но главное не в этом даже, а в том, что и мне, и другим арестованным следователи заявляли, что им это разрешено, и ссылались при этом на ЦК и правительство. Это было в Москве в 37, 38 и 39 гг. В Томске не били.

Примеры, говорят, сильнее правил, а для меня авторитет решений ЦК, пример поведения таких людей, как Ежов, был выше авторитета УПК (уголовно-процессуального кодекса - В.У.). Приехал из Москвы из НКВД Соколов (бывш. нач. оперпункта в Томске), говорит: "Бьем, сам Ежов в Лефортово допрашивает и бьет, я тоже на допросе бил". Приехал из УНКВД Носов, говорит: "У нас стойки по 100 часов, упадут, обольем водой и опять стой". И я согласился на стойки.

Сейчас я бы сделал иначе. Я понимаю свою ошибку в работе не хуже вас, но эта ошибка - не результат моей злой воли, она - продукт сознания того проклятого времени, продукт московских и новосибирских установок, которые мне казались правильными, вернее, не имел права и смелости считать их неправильными, ибо таков был дух времени, воплощенный в знаменитых "Ежовых рукавицах". Я не оправдываю ни операции, ни методов следствия, ни себя. Операция с такими установками была и остается для моего ума великой исторической загадкой, которую я тщетно пытался объяснить себе и не могу.

Я успокаивал себя тем, что Москве видней, значит, так нужно, а не иначе, и, получив приказ: "В атаку на врага!", был подхвачен стихией и несся вместе с другими, как несутся командиры и бойцы в последней решительной атаке, не сознавая точно, куда, почему и зачем они несутся. Как и в атаке, сознание мне говорило, что в этот момент отступить или замедлять движение - измена и меня свои же пристрелят.

Разве можно было тогда допустить мысль о том, что Ежов враг, когда ему курили фимиам и пели восторженные гимны со страниц газет, на собраниях и называли даже Маратом нашей революции. В том и трагедия, что тогда вся страна была охвачена психозом особого уважения к Ежову.

Поэтому как я мог подумать тогда о том, чтобы противиться и не выполнять указания УНКВД, которые отражали, на мой взгляд, тогда линию Ежова. Вот ведь как обстояло дело..."

В акте на представлении Овчинникова в ноябре 1937 года к награждению знаком почетного работника ВЧК-НКВД "заслуги" его выразились в том, что в 1937 году под его руководством и личном активном участии в Томске была вскрыта крупная правотроцкистская - организация, ряд крупных филиалов и организаций "Российского общевоинского союза" (арестовано 2257 человек), организаций и групп польской разведки (арестовано 495 человек). Были ликвидированы "целые серии японских резидентур и организаций", арестовали 183 - "харбинца", было изъято и осуждено 1210 контрреволюционеров-одиночек и т.д.

"В работе проявляет исключительную настойчивость и инициативу". Бывший в то время начальником УНКВД по Новосибирской области Горбач посчитал награду недостойной и собственноручно внес изменение на награждение Овчинникова именованным оружием.

К слову сказать, возможно, тюрьма разбудила в Овчинникове талант поэта. При обыске у него были изъяты несколько стихотворений, написанных на

носовых платках и зашитых в одежде. Они о разном: о дочерях, о тюрьме, о свободе, о жизни...

« Я проклинаю свою судьбу, которой было угодно сделать меня при Ежове Н-ком ГО. Я не нахожу слов для выражения горести и укора себе за то, что не послушался голоса инстинкта, а а в силу привычки принимал на веру все, что происходило из УНКВД, что верил своим работникам, считал их не способными на подлость. Я очень и очень жалею, что тогда в Томске перед началом операции не пустил себе пулю в лоб, мысль о чем тогда у меня возникала и которую я гнал из головы, как антипартийную.

...Я переживал жуткие минуты .страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнений долга службы, диктуемого сверху, со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией УНКВД не смел, т.к. думал, что раз Москва требует - значит, так надо, значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов - это не только Нарком НКВД, это для меня прежде всего секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него в УНКВД я понимал прежде всего как ссылки на указания ЦК ВКП(б). Да и как можно было сомневаться, если тебе говорят о директивах ЦК и правительства, если прокуратура дает такие же директивы... Я не считаю себя ответственным перед законом, по крайней мере, не считаю возможным отвечать по ст. 193-176 и 58-10 УК".

Из приговора,: "Овчинникова Ивана Васильевича на основании ст. 193-176 УК РСФСР лишить присвоенного ему спецназвания "капитан Государственной безопасности" и подвергнуть высшей мере уголовного наказания - расстрелу". 19 мая 1941 года приговор Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа был приведен в исполнение.

Таков печальный итог жизни Ивана Овчинникова, человека, на мой взгляд, достаточно сильного, хотя бы потому, что за все время следствия не оговорил он никого из сотрудников горотдела, многое взял на себя, пытался бороться за свою жизнь до конца.

Анализ материалов дела позволяет сделать вывод о том, что он стал таким же винтиком в огромном механизме, как и миллионы простых смертных. Вышел срок винтику, и его безжалостно заменили. Стрелочник был найден, хотя в деле достаточно материалов, которые по крайней мере не обвиняют Овчинникова. Но следствию они были не нужны, на них просто не обращали внимания.

Овчинников виновен в совершенных преступлениях однозначно. Он не отказался от соучастия в "кровавой вакханалии", в отличие от некоторых своих коллег, в т.ч. и по Томскому горотделу НКВД. Но вина его намного меньше вины тех, кто по прихоти, по мановению руки организовал геноцид против собственного народа, искалечил миллионы судеб, на многие годы вверх население страны в обстановку страха за свою жизнь и жизни близких.

Сегодня многое видится иначе, чем в те далекие годы. Но «исповедь» Овчинникова достаточно хорошо показывает обстановку тех лет, особенно

социально-психологический климат , когда оболваненные официальной пропагандой люди свято верили в происки империализма и его пособников в нашей стране и в большинстве своем участвовали в их разоблачении – кто-то непосредственными действиями, кто-то молчаливым согласием и покорностью.

Так кто же он, Иван Овчинников?

В. Уйманов.

Красное знамя. 7 октября 1999 г.